

УДК 81'25

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПЕРЕВОДЕ

Лариса Михайловна Алексеева**д. филол. н., профессор, зав. кафедрой английской филологии****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. alm@psu.ru

Статья посвящена одной из малоизученных переводческих категорий, смысл которой прежде не соотносился с понятием перевода. Показывается дискуссионность содержания категории «идентичность», а также оценивается возможность ее применения в переводоведении. Категория идентичности позволяет рассматривать переводные тексты как открытые и одновременно замкнутые произведения. Понимание перевода на основе идентичности дает возможность определить его как универсальное средство против несоизмеримости языков и культур (т.е. как смешение) и против их автономности (т.е. как переход в иное языковое состояние). Особую важность категория идентичности приобретает в научном переводе, направленном на передачу соразмерности теорий.

Ключевые слова: идентичность; переводоведение; перевод; оригинал; различие; сравнение; научный перевод.

В XX в. переводоведение прошло интенсивный путь развития. 90-е гг. прошлого века в отечественном переводоведении можно назвать «эпохой переворота», связанного с созданием деятельностных теорий перевода и трактовкой перевода как мыслительного индивидуального процесса. Однако начало XXI в. показало, что в теории перевода наступил период спада. Это дало возможность некоторым отечественным исследователям перевода заключить, будто «эпоха переводов» завершилась, безвозвратно канула в прошлое [Автономова 2008: 643]. В ближайшем будущем, по мнению исследователя, мы не увидим такого мощного переводческого процесса, какой наблюдался в 90-е гг. XX в. Для периода спада характерна ситуация, когда основные категории перестают трактоваться и остаются в пределах науки в неизменном виде.

Тем не менее будущее переводоведения видится нам в интенсивном усвоении того, что довольно поверхностно изучалось в предшествующий период применительно к сущности перевода как процесса. В связи с развитием новых взглядов на перевод, позволивших создать пространственный образ перевода, у исследователей формируются идеи о возможности применения новых категорий, соотносимых со сложностью решаемых переводческих проблем.

Одной из таких категорий, по нашему мнению, может стать «идентичность», смысл которой прежде не раскрывался в науке о переводе и, соответственно, не соотносился с традиционны-

ми категориями переводоведения. Понятие *идентичности* отягощено прежними смыслами, приобретенными в рамках других наук. Важным для нас является то, что мы усматриваем большие возможности применения этой категории в переводоведении, которые придадут импульс потерявшей в настоящее время динамику самой теории перевода.

Круг применения категории *идентичности* широк. Она используется во многих науках: логике, философии, социологии, культурологии, психологии и др. В этих науках *идентичность* соотносится с такими значениями, как «подлинность», «индивидуальность», «тождественность», «этноцентризм». Так, в логике и философии *идентичность* связана с представлением о границе языка как пределе индивидуального мира, а также пределе каждой философской системы, определяющихся границами ее языка и логики [Налимов 2011: 20]. Тем не менее философы признают, что им не удалось найти объяснения категории идентичности [Рикёр 1995: 273]. Данная категория использовалась в культурологии, постоянно демонстрирующей значимость переводов фундаментальных текстов культуры – Гомера, Шекспира или Сервантеса, которые выступали как ответ на запросы времени, как форма поиска *идентичности*, как переопределение своего отношения к мировому культурному наследию. В самом общем виде *идентичность* имеет несколько значений: 1) подлинность,

2) индивидуальность, 3) автономность, 4) опознаваемость, 5) тождество.

Современные дискуссии вокруг смысла категории *идентичности* направлены на поиск ответов на ряд актуальных вопросов о содержании данной категории, а также о возможности ее применения в переводоведении [Cronin 2006]. Мысль о соотношении данных понятий является достаточно древней. Она связана с притчей о Вавилонской башне. Бог, разгневанный поступком людей, определил себя в своей конечности и аннулировал множественность языков. Множественность языков, как следствие, задала их *идентичность*, отдельность и предопределила необходимость перевода.

Содержание *идентичности* связано с переводом слова «Вавилон». Данную проблему изучал Ж.Деррида, рассматривая возможность перевода слова «Вавилон» именем собственным и одновременно именем нарицательным. Поэтому, по Ж.Деррида, Вавилон – метафора метафоры, рассказ рассказа, перевод перевода [Деррида 2012: 10–11]. Он задается рядом вопросов: должна ли метафора переводиться на буквальный язык? должно ли имя собственное переводиться? *Babel* буквально означает «одновременное говорение, смешанный хор голосов». Однако это может быть и «смещение-замешательство», в котором находятся архитекторы перед нарушенной структурой. В переводе с аккадского – это «Божьи врата». Вольтер указывает на то, что *Вавилон* на восточных языках означает «град Божий», «град святой». Получается, что город носит одновременно имя Бога-Отца и отца города [там же: 12]. Толкование слова *Вавилон*, по Ж.Деррида, указывает на свободу интерпретации исходных понятий при понимании дихотомии *идентичность-смещение*.

Любая современная категория оказывается ориентированной на прошлое. Рассматриваемая нами категория не исключение. В античности понятие *идентичности* соотносилось с христианской идеей телесной идентификации, или в ином понимании с единственностью и неповторимостью человеческой жизни. Содержание понятия *идентичности* можно связать с Сократоплатоновским утверждением о самоидентичности души.

Большим сторонником *идентичности* в переводе был Св.Иероним Стридонский (348–420), воплотивший принципы *идентичности* в своем переводе Библии на латинский язык. Он идентифицировал в латыни греческие варианты Нового Завета, сделанные разными людьми в разное время и в разных местах, а также восстановил в латыни древнееврейский вариант Ветхого Завета [Фокин 2010]. Главным принципом для Св. Ие-

ронима Стридонского был приоритет Священного Писания. Понятие *идентичности* воплотилось в богодухновенности его переводов, истинности (*juxta hebraicam veritatem*) и непререкаемости Божественного авторитета. Все книги Библии он рассматривал как «единую Книгу» (*unus liber*). Это был подлинно научный перевод Библии, с точностью отражавший истину оригинала [Фокин 2010: 70].

Философ Нового времени Дж.Локк также утверждал, что каждый человек самоидентичен, поэтому никому нельзя заставить его и других людей при употреблении одинаковых слов иметь в виду одни и те же идеи [Локк 1985–1988]. Подобная идея развивалась в учениях И.Канта [Кант 1964] и Г.В.Ф.Гегеля [Гегель 1959] о единичности души, в философии Ф.Ницше [Ницше 1998], утверждавшем, что люди сами создали миф об «одинаковости» состояния субъектов.

Понятие *идентичности* рассматривалось и в рамках трансперсональной психологии. Существует также понимание *идентичности* человека на основе квантово-механической теории сознания, в которой «мозг рассматривается как самопрограммируемый компьютер с взаимоисключающими самоподдерживающимися нейтральными паттернами, действующими в качестве носителей кодов верхнего уровня» [Налимов 2011: 128–129].

Почему *идентичность* именно в переводе? Прежде всего потому, что эта новая для переводоведения категория позволяет постичь сущность перевода. В переводе можно осознать, что категория *идентичности* оказывается противоречивой, поскольку выражает как *сходство*, так и *различие* языков и культур [The Translation studies Reader 2004: 5]. Это свойство позволяет сформулировать следующее суждение: без сходства перевод был бы невозможен, без различия перевод не нужен.

Эта идея в полной мере выражена в исследованиях перевода Н.С.Автономовой. Полемизируя с распространенным в современном переводоведении взглядом на перевод как обязательную трансляцию инварианта содержания исходного текста, она отмечает двойственный характер *идентичности* перевода. Исследователь утверждает, что «перевод воочию показывает, как сохранить самостоятельность, не выставляя кордонов, как стремиться к универсальному (только не заданному заранее, а меняющемуся и к тому же множественно определенному), не теряя самого себя» [Автономова 2008: 647]. Первопричину противоречия перевода Н.С.Автономова видит в характере перевода древних текстов, придавая своим аргументам современное звучание. Она опирается на анализ известных переводов с гре-

ческого языка на латинский, которые, по ее мнению, лишь частично удовлетворяют современным критериям перевода. Н.С.Автономова изучает семантику глаголов, которые в латинском языке относятся к переводу (*vertere, exprimere, reddere, transferre, interpretari, imitari* и др.), и делает вывод, что они могут одновременно обозначать и буквальный перевод, и свободную адаптацию греческого текста к потребностям публики. Ссылаясь на то, что в классической латыни перевод воспринимался как этап рецепции греческой культуры, она делает вывод, что переводить – значит придавать чужому тексту блеск в своем собственном языке [Автономова 2008: 489].

Развитие идеи об *идентичности* в переводе мотивировано необходимостью по-новому подойти к сущности перевода. В таком видении перевод осознается с помощью языковой *идентичности*. Каждый человек является носителем какого-то языка. Но в рамках собственного языка он не видит возможностей и границ своего языкового мира, поскольку считает язык самодостаточным и данным. Только в столкновении с другими языками и другими языковыми мирами человек осознает себя, свой язык, его возможности. Именно механизм перевода позволяет нам познавать себя и Другого, себя через Другого.

Осознание роли *идентичности* в переводе важно для понимания того, что перевод обнажает в текстах *отношение* и *относительность*, делает переводные тексты открытыми объектами, несмотря на их замкнутость и обусловленность. Понимание перевода на основе *идентичности* позволяет представить его в качестве универсального средства одновременно как против несоизмеримостей языков и культур (как смешение), так и против жесткой автономности собственного предела языка, т.е. показать возможность пере-вода, пере-носа, перехода в иное языковое состояние.

Осознание *идентичности* перевода происходило в истории перевода постепенно. Первой и актуальной до настоящего времени проблемой является проблема буквального и вольного перевода, возникшая еще в I в. до н.э. Она породила целую серию вопросов: должен ли перевод напоминать исходное произведение? должен ли он быть похожим на произведение, современное оригиналу, или же на произведение, современное переводчику?

Одним из первых, кто поставил проблему *идентичности* в переводе, был В.Беньямин [Беньямин 2012]. В статье, посвященной задачам переводчика, он рассматривает проблему соотношения текстов оригинала и перевода. В.Беньямин не воспринимает перевод идентичным оригиналу, поскольку в процессе перевода

исходный текст объективно всегда увеличивает-ся. Согласно В.Беньямину, перевод всегда несет в себе нечто большее, чем просто содержание. Перевод, как правило, создается в период славы текста оригинала. Поэтому его переводы не находятся в услужении у произведения, поскольку в них исходное содержание достигает более полного расцвета [там же: 257].

Для современной науки особый интерес представляет идея В.Беньямина о том, что именно перевод удерживает языки от вырождения. Если в одиночестве (самоопределении) языки останавливаются в росте, засыхают, то при скрещивании (т.е. переводе на иные языки) они дают друг другу то недостающее, что обеспечивает их взаимное возрастание и «вечное продолжение жизни произведения» [там же: 261]. Перевод он назвал чистым языком “*die reine Sprache*” [там же: 260], т.е. местом, где происходит расширение, растягивание собственных органов разных языков, где входящие во взаимодействие языки меняются, превращаясь в нечто более широкое и вместительное.

В.Беньямин ставит вопрос о неприкосновенности оригинала. С этой целью он использует прием сравнения с касательной линией. Подобно тому как эта линия касается окружности лишь в одной точке и далее продолжает свой путь в бесконечность, перевод также касается смысла оригинала мимолетно в бесконечно малой точке, «чтобы следовать своему собственному пути в соответствии с законом верности в свободе языкового потока» [там же: 268].

По существу, эта же идея лежит в основе более поздней теории перевода, созданной деконструктивистами. В рамках деконструктивизма понятие *идентичности* в переводе представляло особый интерес и наделялось дуалистическим смыслом. Эта идея легла в основу взглядов на перевод Ж.Деррида [Деррида 2000, 2012]. Ставя вопрос о соотношении *идентичности* и перевода, он видел идентичность в отсутствии наличного, т.е. простого, полного, самоотждественного и самодостаточного. Он изучал категорию *идентичности* в качестве прото-следа, выраженного в конструкте, артефакте и отражающего то, чего не было.

Ж.Деррида ввел первое отчетливое понятие, противоположное *идентичности* [2000: 377–402]. Это «различАние» (*differAnce*). РазличАние – это про-медленность, отсроченность, постоянное запаздывание во времени и отстраненность, смещение, промежуток в пространстве. Для него это было не просто графическим вмешательством с целью шокировать грамматиста, а способом выразить соотношение идей не с помощью известных слов или атомарных смыслов, а как

узнавание того, чего нет. Различание превращается в метафизическое имя. Любое понимание ставит под вопрос само имя. Ж.Деррида сформулировал вывод о том, что в языке ничто себе не тождественно: каждый находится в процессе обретения *идентичности*, который в принципе никогда не завершается.

Г.Х.Гадамер определяет перевод с помощью понятия истолкования, означающего переосвещение, т.е. попытку представить нечто в новом свете [Гадамер 1988: 415]. Он называет перевод герменевтическим разговором [там же: 417]. Г.Гадамер исключает возможность понимания перевода на основе категории *идентичности*, поскольку необходимость использования перевода похожа на утрату собеседниками их самостоятельности [там же: 413]. Он считает, что «там, где достигается взаимопонимание, там не переводят: там говорят. Ведь понимать чужой язык – значит, собственно, не нуждаться в переводе на свой собственный. Если мы действительно владеем языком, то нам уже не только не требуется перевод, но перевод кажется нам невозможным» [там же].

В деконструктивизме и последующих семиотических теориях трактовка перевода на основе *идентичности* позволила во многом пересмотреть понятие перевода. Эти взгляды способствовали преодолению наивных упрощенных представлений о процессе перевода, свойственных лингвистическим теориям перевода. С этих позиций перевод стал пониматься как насильственное замещение лингвистических и культурных черт иностранного текста теми чертами, которые могут быть опознаны читателями переводного текста: особенности исходной (переводимой) культуры подвергаются деконструкции и исключению, а на их место встают другие. Такое видение перевода имело ряд последствий. Для некоторых исследователей перевод оказался невозможным [Venuti 2004]. Собственное отношение к этим взглядам мы определили с помощью понятия «культурных рисков», выражающихся в возможном «одомашнивании» иностранного текста. В этой ситуации переводчик «закрывается» на собственной идентичности. Это способствует возникновению риска, связанного с введением новых понятий, жанров, приемов, не предусмотренных исходной культурой.

Понятие *идентичности* в переводе использовалось в герменевтических теориях перевода. Так, П.Рикёр [1995] определяет перевод как согласие на неминуемые жертвы и потери, включая преодоление страха перед сопротивлением инертной массы *чужого* языка, перед иностранцем как угрозой *собственной языковой идентичности*. Но чужое, не идентичное себе – не един-

ственный страх, который парализует волю переводчика. П.Рикер видит в переводе некий фантазм, т.е. встречу переводчика с тем, чего нет и не ощущается.

В переводоведении проблема *идентичности* обычно рассматривалась в отношении художественного перевода и была связана с определением статуса переводного текста в межкультурном и межъязыковом пространстве. Традиционно данный термин связывали исключительно с переводом колониальных романов [Translating Identity... 2006].

Особую важность категория *идентичности* приобретает в научном переводе, который понимается как перевод между концепциями в аспекте соизмеримости научных теорий (*incommensurability*, по Т.Куну).

Актуальность этой проблемы можно выразить рядом вопросов: 1) Идентична ли «русская научная мысль»? 2) Возможен ли «английский» Флоренский? 3) Возможен ли «русский» Хайдеггер, если даже для немцев он непонятен? Как пишет В.В.Налимов, М.Хайдеггер «неизменно преодолевает языковые трудности, пытаясь создать из обыденного языка свой собственный язык» [Налимов 2011: 19]. В этом смысле оказывается, что его язык философии самоидентичен и поэтому непередадим.

Проблема *идентичности* в научном переводе назревала постепенно. В различные периоды развития науки научные тексты создавались на разных языках: латинском, немецком и английском. В Средневековье и позже проблемы *идентичности* перевода научных трудов не возникало, поскольку при их написании использовался единый латинский язык, который в определенной мере уравнивал этническую и научную специфику текстов.

Немецкий язык как научный язык также использовался в процессе перевода научных текстов с латинского, английского и французского языков во второй половине XVIII в. преимущественно в философских текстах. Немецкий язык придал дефиниционную строгость новым терминам, а также способствовал строгому и точному оформлению научных форм мысли.

В настоящее время, в эпоху глобализации, исследователи используют английский язык с целью социализации и объективации новых открытий.

Особенность научного перевода заключается в разной исторической идентичности автора и переводчика. Складывается так, что в настоящее время научные переводы всегда запаздывают во времени. Поэтому неизбежно возникают две проблемы: Историзация перевода vs Модер-

низация перевода, а также Доместикация перевода vs Форенизация перевода.

Это вызывает два главных вопроса: 1) возможен ли научный перевод? 2) нужен ли научный перевод? Ответ на первый вопрос непосредственно связан с ролью переводчика как субъекта и самоидентифицирующейся личности. Ответ на второй вопрос определяется представлением о научном переводе Т.Куна [Кун 2002: 259–262]. Он рассматривает его в аспекте истории науки как обращение к устаревшим научным теориям путем перевода теории и ее последствий на современный язык [там же: 259]. Такая форма обращения к истории науки служит мощным средством убеждения, подлежащим переводу. Т.Кун считает, что перевести научную теорию на язык какого-либо сообщества не означает создания просто текста перевода. Помимо этого автору перевода предстоит раскрыть механизм научной теории и показать, как она работает. Поэтому в переводе должен содержаться механизм убеждения в новизне раскрываемой теории [там же: 262]. Для него перевести теорию на язык другого научного сообщества – это возможность найти новых приверженцев. Это помогает Т.Куну отстаивать свою точку зрения о том, что большинство революционных изменений в науке являются возможными лишь при наличии убеждающего опыта.

В самом общем смысле при переводе любого научного произведения позиции переводчика могут быть следующими:

1) Исследователь как Переводчик (ИкП) – авторский перевод; позиция переводчика – любитель, специалист, инсайдер.

2) Исследователь с Переводчиком (ИсП) – автор, обладатель специального знания, и переводчик, не обладающий специальным знанием, говорят на разных языках; позиция переводчика – профессионал, не специалист, аутсайдер.

3) Исследователь с (Исследователем в качестве Переводчика) (ИсИкП) – автор, обладатель специального знания, и переводчик, в роли которого выступает исследователь со знанием иностранного языка, также обладающий специальным знанием, говорят на одном языке исследования.

Последняя позиция требует особой тщательности в переводе, поскольку именно в этом случае перевод может идти разными путями в зависимости от типа действий Исследователя как Переводчика. Во всех остальных случаях эта проблема осознается не в полной мере ввиду отсутствия у переводчика специального знания.

Главной проблемой, связанной с идентификацией, является выбор переводческой позиции, которая предполагает два типа действий, соответствующих двум видам идентификации: 1) ориентацию на трансляцию исторического времени (историческая идентификация); 2) ориентация на трансляцию концептуального времени (концептуальная идентификация). Историческое время учитывает время написания автором текста и время его перевода. Концептуальное время связано с развитием научного знания, его концептуализацией, степенью сформированности научного концепта.

Характер переводческих действий отражен так.

Виды переводческих позиций

Вид идентификации	Временная дистанция	Диахрония языка	Научная парадигма	Современное решение проблемы	Ахронизация концепта
Историческая	+	+	–	–	–
Концептуальная	–	–	+	+	+

Первая позиция переводчика может быть представлена формулой: Свой – Чужой. Задачами перевода в этом случае оказывается соблюдение трансляция исторического времени средствами диахронии языка.

Суть второй позиции выражена в формуле: Свой – свой. Задачи перевода ориентированы на создание ахронического концепта средствами современного языка. В процессе перевода происходит превращение исторического времени в ахроническое, т.е. концептуальное. Другими словами, в переводе разрушается историческая идентичность и создается концептуальная идентичность.

Таким образом, наши суждения касаются соотношения понятий *идентичности* и перевода позволяют увидеть их как особую, sui generis концептуальную пару. Перевод в целом ряде аспектов предполагает идентичность, а идентичность, в свою очередь, во многом объясняет противоречивую природу перевода.

Понятие *идентичности* в переводе инициирует дискуссии вокруг понятия сущности перевода. Так, научный перевод, как правило, является ахроничным, т.е. не совпадающим с научной парадигмой. Это вызывает множество вопросов: какова роль научного перевода? каким образом перевод способствует развитию научного зна-

ния? и др. Ответы на эти вопросы формируют понятие научного перевода как деятельности переводчика научного произведения, направленной на трансляцию концептуальной *идентичности*. В современных научных парадигмах складываются определенные традиции в решении проблем. В этой ситуации научные переводы, даже нарушающие идентичность решений, независимо от исторического времени все же способствуют развитию научного знания.

Таким образом, использование категории *идентичности* в переводоведении позволяет трактовать сущность перевода в богатстве разнообразия в отличие от жестко детерминированных теорий перевода, где все возможности деятельности исчерпаны правилами перевода.

Список литературы

Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 704 с.

Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. ст. / пер. с нем. И.Болдырева, А.Белобратова, А.Глазовой, Е.Павлова, А.Пензина, С.Ромашко, А.Рябовой, Б.Скуратова и И.Чубарова; филол. ред. переводов А.В.Белобратов; ред. Я.Охонько; сост. и послесловие И.Чубарова, И.Болдырева. М.: РГГУ, 2012. 288 с.

Гадамер Х-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н.Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. Г.Г.Шпет. Соч.: в 14 т. М.: АН СССР, Ин-т философии; Изд-во соц.-экон. лит.; 1959. Т.4. 488 с.

Деррида Ж. Письмо и различие / пер. В.Лапицкого, А.Гараджи, С.Фокина. СПб.: Акад. проект, 2000. 432 с.

Деррида Ж. Вокруг Вавилонских башен / пер. с франц. и коммент. В.Е.Лапицкого. 2-е изд., испр. СПб.: Machina, 2012. 118 с.

Кант И. Критика чистого разума. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т.3. 780 с.

Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 608 с.

Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т.1. Опыт о человеческом разумении. (Философское наследие) / пер. А.Н.Савин и др. М.: Мысль, 1985–1988. 621 с.

Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. Изд. 3-е. М.: Акад. проект; Парадигма, 2011. 399 с.

Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М.: Рипол Классик, 1998. Т.2. 863 с.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Academia-Центр; МЕДИУМ, 1995. 415 с.

Фокин А.Р. Блаженный Иероним Стридонский: библеист, экзегет, теолог. М.: Центр библейско-патрол. исслед., 2010. 224 с.

Cronin, Michael. 2006. *Translation and Identity*. L.: Routledge. 176 p.

The Translation studies Reader. Second edition / ed. by Lawrence Venuti. N.Y.; L.: Routledge, 2004. 541 p.

Translating Identity and the Identity of Translation / ed. by Madelena Gonzalez and Francine Tolron. Cambridge Scholars Press, 2006. 231 p.

Venuti L. P. Translation, Community, Utopia // *The Translation studies Reader*. Second edition / ed. by Lawrence Venuti. N.Y.; L.: Routledge, 2004. P.482–502.

IDENTITY IN TRANSLATION

Larisa M. Alekseeva

Head of the Department of English Philology
Perm State National Research University

The article deals with one of the less studied categories of translation studies. Its content has not been associated with translation. The author considers the content of the category of identity, as well as the possibility of using in translation studies. The category of identity makes it possible to regard target texts as open and at the same time closed texts. The comprehension of the concept of translation by means of this category helps to define it as a unique remedy against incommensurability of languages and cultures (i.e. against their mixture), and at the same time as a remedy against their autonomy (i.e. the possibility of translation). Special attention is paid to this category in scientific translation, aimed at the transfer of adequacy of scientific theories.

Key words: identity; translation studies; translation; the source text; difference; comparison; scientific translation.